

ПИСАТЕЛИ ЗА РАБОЧИМ
СТОЛОМ

У ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

ПО ПУТИ к дому на улице Горького, где живет автор «Русского леса», мы вспомнили, что в печати не столь уж часто появлялись беседы Леонова с журналистами. Да, он сторонится всяческой «гласности», избегая рассказывать о своих «ближайших творческих планах».

И все-таки мы начали разговор со стандартного вопроса: над чем трудится сейчас писатель? Медленно перелистывая страницы любимой книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, Леонид Максимович ответил:

— Я не принадлежу к числу тех писателей, которые, однажды написав роман или повесть, больше не возвращаются к ним, считая их чем-то уже не своим.

Совсем недавно Леонов сделал весьма нелегкую работу над пьесой, которую он написал еще до войны. Это была пьеса о тридцати седьмом годе, и ее пытались поставить в 1940 году в Малом и в театре имени Ермоловой, готовил ее также Михоэлс в своем ГОСЕТе.

Но дальше репетиций дело не пошло. В пьесе зрели

«подрывной элемент» и сделали соответствующие тому времени выводы с официальным возведением пьесы в ранг «злобно-клеветнического произведения».

— С этим паспортом я и жил потом целых два года, — говорит с невеселым юмором Леонид Максимович.

И вот теперь, двадцать три года спустя, автор вернулся к «Метели», раскрыв, по его словам, некоторые стороны замысла, которые по условиям того времени были сильно завуалированы.

Сейчас пьесу в новой редакции репетирует Московский театр драмы и комедии, который первый поднял вопрос о ее реабилитации. И хотя главный режиссер А. Плотников и весь коллектив считают Леонида Максимовича «трудным драматургом», писатель надеется, что театр подберет надлежащий ключ к раскрытию пьесы и все завершится благополучно.

КОГДА разговор зашел о «Нашествии», вспомнилось, как много дало людям это произведение. Ее герой Федор Таланов стал символом для целого поколения.

..Далекий север. Здесь был расположен лагерь НКВД. Лесозавод, вдоль длинного забора вытянулись сторожевые башни.

Как-то в лагерь пришел очередной «этап». У учительницы Миловановой воры стащили чемоданчик, но там оказалось всего лишь несколько книг, и среди них «Нашествие» Леонова. Заключенные хотели использовать бумагу на сигарки, но «медвежатник» Васяна Лиферов сказал, что сначала надо почитать, что там написано.

Вечером, когда все улеглось, Василий негромко, вполголоса читал своим «коллегам» трагедию Федора Таланова...

Пьеса пошла по баранам и отделениям буквально по листочкам. Кто-то из ревностных стрелков-ищеек обнаружил, что заключенные читают какое-то «Нашествие», написанное «человеком с воли» Леоновым. Такие заключенные подвергались дополнительным наказаниям.

Василий Лиферов и несколько его товарищей обратились к руководству лагеря с просьбой заменить им отбывшие наказания передовой линией фронта...

Москва разрешила. Более 1200 рецидивистов разных «жанров» составили батальон. Но до фронта они не добрались, попали в окружение. Стихийно возникший партизанский отряд был назван ими именем... Федора Таланова.

Уже после войны нам довелось встретиться с Василием Лиферовым, героем войны, кавалером многих орденов и медалей. И он сказал тогда:

— Если бы не знакомство с Федей Талановым, то я, видимо, на всю жизнь остался бы вором... Писатель Леонов возвратил меня к жизни...

РАЗГОВОР переходит к роману «Вор», который постигла приблизительно та же участь, что и «Метель». Автору не было еще и двадцати пяти лет, когда он написал это произведение. Горький много раз хвалил роман. Но, как стало известно, Сталин перечеркнул целые страницы красным карандашом. — тогда это звучало для молодого писателя трагически и недвусмысленно.

— Когда Гослитиздат, — вспоминает Леонов, — после смерти Сталина предложил переиздать «Вора», я решил

перечитать то, что написал много лет назад, внести кое-какие поправки.

— После того, как был переделан «Вор», — продолжает писатель, — один из известных современных литераторов упрекнул меня, что я будто бы напрасно потратил столько времени. Но сам я больше склоняюсь к точке зрения Вольтера, который говорил о том, что желающий стать настоящим писателем должен работать всю жизнь. Поэтому я и провел вторичную работу над рукописью.

Писатель предполагал, что новое редактирование романа займет всего лишь один-два месяца, но он так втянулся в работу, что просидел над ним два с половиной года, буквально почти не вылезая из-за письменного стола.

В нынешнем году Леонов вплотную встретится с кино. Народный артист СССР Владимир Петров приступил на «Мосфильме» к съемкам цветного широкоэкранного двухсерийного фильма «Русский лес».

На этой же студии намечена постановка кинопамфлета по сценарию Леонова «Бегство мистера Мак Кинли», опубликованного в свое время в «Правде».

В письменном столе писателя лежит повесть о Кавказе, которую Леонов начал писать еще в 1935 году. Она неоднократно подвергалась перделке.

— У многих русских писателей имеется по кавказской повести, — шутит писатель. — Не удержался и я. Затронул Кавказ.

У ЛЕОНИДА Максимовича никогда не бывает желания побыстрей закончить произведение. Он сказал, что «Русский лес» писал пять лет. Писал, будто сам шел через перипетии своих героев. Работу Леонова можно сравнить с доменным процессом, ведь домна должна работать круглые сутки, потому что при малейшей передышке получается так называемый «козель».

Труд человеческий превыше всего. Разум человека, руки человека сотворили нашу цивилизацию. Но время от времени разумные, казалось бы, существа тянутся к разрушению. Война бесцеремонно прерывает цикл развития общества. Сколько писал Алексей Максимович Горький, мечтая о «золотом веке»! Но человек станет безнадежно далеким от своих тысячелетних идеалов, если добытая таким трудом и такими подвигами цивилизация взорвется вокруг него и под ним.

— Война так же страшна, — говорит писатель, — сколь и нелепа.

ЛЕОНОВ был свидетелем страшных, незабываемых, вечно пульсирующих в памяти картин. Он присутствовал на одном из первых процессов над военными фашистскими преступниками.

— Я помню Нюрнбергский и Харьковский процессы. То, что я там слышал, мучительно отзывается во мне и по сей день, — с горечью говорит писатель.

Да, это лицо войны. Она не щадит даже детей. Но именно дети должны стать залогом мира, дети — как будущее человечества. И тут приходят на память слова Леонова из письма неизвестному американскому другу:

Все дети мира плачут на одном языке.

Каждый отец должен быть отцом всех детей на земле.

Если где-то заплакал ребенок, то немедленно откликается твой.

Люди, от которых зависит судьба мира, должны чаще смотреть в глаза своим детям...

Все надо беречь. И человека, и природу, и все то, что человек из природы добывает. Нельзя позволить войне стереть плоды человеческого труда. И литературе принадлежит огромная роль в этой исторической борьбе.

Евгений ЛИДИН,
Сергей РАЗГОНОВ.